Московские новости. – 1998. – 27 декабря. – с. 24.

Валентинов цирк

Знаменитый режиссер цирка Валентин Гнеушев, недавно изгнанный с Цветного бульвара, курит толстые сигары и носит тельняшку «от Готье». Общение с ним требует умения переключаться со скоростью, предлагаемой собеседником, пересыпающим свой монолог французской речью.

АНДРЕЙ САПРОНОВ

Чем отличается русский цирк от европейского?

Гнеушев (*растапливая камин*): — Сейчас будет тепло. Русские — сумасшедшие: поднимать — так самую тяжелую гирю, бороться — так с самым большим мужиком, Иваном Поддубным. Объем, масштаб, понимаете? Russes sont terribles, comprenez-vous? Дикие русские, сайгаки! Голландия, к примеру, со всей ее прелестью — маленькая, хрупкая, фарфоровая. Мы же предпочитаем размах во всем, от творчества до секса. Миниатюрные европейские женщины очаровательны, но русские сильнее «греют».

Современный французский цирк очень хорош, однако технология и традиции там слабые. Они милые ребята, но, к сожалению, у них отсутствует сила. В русском цирке сильны и трюки, и технология их выполнения. Французы очень продвинуты, но виртуозность и подвижность не всегда заражают.

Меня спрашивал принц Ренье (*в январе Гнеушев по личному приглашению принца примет участие в жюри международного конкурса в Монте-Карло.* — **«МН»**), почему это русские так любят Монте-Карло? Дело в том, что русские любят шик. А Монте-Карло его олицетворяет. Принцу понравилось такое мнение. (*Неожиданно.*) Вы умеете пришивать пуговицы?

— Еще как. (*Пришивая пуговицу к пальто режиссера.*) Вы связаны с цирком с юных лет, закончили цирковое училище и ГИТИС. Не было мыслей, что можете заниматься еще чем-то?

— Первое, что я закончил, — это кулинарный техникум. Я действительно ставил пластику в спектаклях Романа Виктюка, в «Карманном театре» по пьесе Кокто у Петера Штайна в Ленкоме, помогал Галине Борисовне Волчек и горжусь этим. Ближайший проект — «Дочь Раппачини» мексиканского писателя Октавио Паса в Театре российской молодежи. Пьеса — изумительная. Другой профессии, кроме режиссуры, у меня нет, и я понял, что нужно работать одному. Не помогать, допустим, Роману Виктюку и одновременно с ним бороться, исправляя его вкус. Это же беда: то чичирки, то манюрки. Меня это мало интересует. Меня интересуют любовь и смерть. Вы видели фильм про Фрица Ланга «Фриц Ланг, или Время убийц»? Нет? (*Ставит кассету.*)

— Вы всегда стремитесь лидировать?

— Я бы не стал выражаться так сильно. Просто есть артисты, которые подражают не Валерию Леонтьеву или Махмуду Эсамбаеву, а мне. Эти люди — мой идеальный материал. То, что я делаю, — поэтическая метафора физического действия. Я развиваю эту мысль в книгах, над которыми сейчас работаю: первый том — «Осознание очарования», второй — «Грешные дети». Поэтическая метафора возводится в степень, к ней находится или специально сочиняется музыкальный эквивалент. Гармония музыки и доведенного до поэтической метафоры физического действия становится произведением искусства. Рихард Вагнер говорил: «Я люблю людей, дающих громкие обещания, но еще больше люблю, когда их выполняют». Я же только тем и занимаюсь, что обещаю и, схватившись за голову, пытаюсь соответствовать обещанному.

— К чему вы склоняетесь — к модерну, фольклору, стилю ретро?

— Пусть критики и историки разбирают, к чему я склонен, — к «Служанкам» или «Федре» Виктюка, Фрицу Лангу или Пикассо. Очень важно себя не ограничивать. В противном случае превратишься в раба своих границ. Я никому ничего не должен. Могу, например, с удовольствием разрабатывать дизайн консервных банок или автомобилей. Поэтому с художниками программ и номеров мы работаем вместе: я даю направление, они — ищут воплощение.

— Как насчет конструирования имиджа?

— Ко всем статьям и интервью даю только эксклюзивные фотографии. Зачем мне отвечать за те «ракурсы», в которых меня ловят всякие репортеры? Сигара? Вы не понимаете — от хорошей сигары настоящая женщина должна терять голову. Почему тельняшка? Она — от Готье.

— Вы космополит?

— Не понимаю (*отвечая тем временем на телефонные звонки*), что такое космополитизм. Говорят, первым диссидентом был Эразм Роттердамский. Так написано в одной умной книжке. Я, например, против того, чтобы в армии доминировала какая-либо религия. Армия многонациональна, куда же деваться мусульманам, если все крестятся на Николая-угодника? Половина моей семьи — евреи, мои дети наполовину евреи, я уважаю эту религию, с интересом хожу в синагогу на праздники, но никогда не буду делать себе обрезания.

— Почему вы пересыпаете свою речь французскими оборотами?

— Вся русская культура сформировалась во взаимосвязи с Францией. Толстой, Достоевский, эпигонство, заискивание перед Вольтером, прямая зависимость: Крылов — Лафонтен. Не надо далеко ходить. Немцы, кстати, гораздо культурнее и тоньше в творчестве — Моцарт, Бетховен, Вагнер, Малер, писатели и поэты. Однако мой любимый автор — Франсуа Рабле, я «gourment» — любитель вкусно поесть. А это чисто французская черта.

— Вам требуются острые ощущения, чтобы сбросить стресс?

— Прыгаю с парашютом. И без парашюта тоже. Однажды прыгнул с шестого этажа, но, к счастью, прокрутив сальто, приземлился в талый снег. Это произошло, когда я, поссорившись с Гедрюсом Мацкявичюсом, уходил из его театра. Сильно тогда поломался. А прыжки с парашютом — это выброс адреналина в кровь и проверка на трусость. Мой любимый философ Анри Бергсон, автор теории «жизненного порыва», размышляя о времени и пространстве, вывел закон: интенсивность мышления всегда возникает в критической ситуации. Прекрасное ощущение экстремальной ситуации в метро: темно, стены проносятся совсем рядом. Как будто летишь в трубе. Но это из мира моих ощущений. Все зависит от того, какая в этот момент у тебя в голове дискета.

— Современный цирк — очень жестокое искусство?

— Любое искусство прежде всего искусство. Один из восторгов цирка — опоэтизированный метод физического действия, второй восторг — фантастическая реальность. Недаром Ницше в «Как говорил Заратустра» пишет о жестокости толпы: она восхищается тобой, но неизменно ждет, когда ты звезданешься сверху. Они восторгаются виртуозностью, но жаждут крови. Гениально сказано и у Фрица Ланга: «Толпа легко создает себе вождей, но так же легко отрекается от них». У нас принято петь дифирамбы лидерам — Сталину, Хрущеву, теперь — Ельцину. Время покажет, какие мы ханжи и свиньи. Петр Первый был более жестоким, чем Сталин, но он — созидатель, а не вандал. Поэтому мы его уважаем. Вот и Лужков созидатель. Что обсуждать его методы и свойства натуры? Москва стала лучше. А если ему суждено стать президентом, то и вся страна от Москвы до самых до окраин будет «прополота», как хороший огород.

— Ваша «политическая программа»?

— Провинцией надо заниматься. Сам в прошлом провинциал (до девятнадцати лет жил в Нижнем Тагиле), я знаю, что провинция очень сильна. На моей родине было очень много эвакуированных из Ленинграда. Все мы вышли из сталеплавильных городов — дети чугунных богов. Это и дает нам силу. А что знают о жизни москвичи, в лучшем случае выезжающие в выходные на дачу в Барвиху? Надо пешком половить сайгаков в Казахстане, спуститься в шахту, полазить по горам на Байкале. Я-то везде лазил, разрабатывал «muscles». (*Резко.*) Вы видели мой номер «Русские перезвоны»? (*Ставит кассету.*)

— Юрий Любимов рассказывал, что коммунисты принимали на свой счет все, даже потребовали снять лозунг «60 лет советскому цирку». Какова связь между цирком и идеологией?

— Искусство цирка советского времени насквозь идеологизировано. Искусство притворной радости утраченного социализма. Вся эта эстетика ВДНХ — сон пьяного кондитера, восхваление хозяйства, которого никогда не было. Я очень уважаю Кагановича, придумавшего систему метро, где люди могли общаться, передвигаться, одновременно получая интенсивную идеологическую дозу: «Площадь революции», «Маяковская», «Сокол», «Динамо», «Аэропорт», «Комсомольская». Иностранцы восторгаются сталинским ампиром, порожденными им идеологическими химерами, которые выражены в такой самодостаточной форме.

— Раньше в цирке звучала маршевая, агитационная музыка, а вот вы стремитесь к изящному — к шансону, к лиризму.

— Боб Фосс в «Кабаре» показал, как опасна ресторанная музычка. Вспомните, какую музыку играют в России в ресторанах? Уголовную! Потому что вся страна уголовная. Поэтому и экспорт нашей эстрады невозможен.

— Как вы относитесь к животным и клоунам на арене?

— Прекрасно. Настоящий клоун — всегда гений. Хороших артистов, композиторов и дирижеров — всегда мало.

— Что такое профессиональная этика в цирке?

— Профессиональное лицемерие существовало всегда. Иногда артисты ненавидели друг друга, но работали вместе. Не нужно путать этику с лицемерием. Допустим, артист сделал спектакль, пришел его друг-режиссер. Он же видит, что это полное дерьмо, но говорит — интересно, талантливо. Поэтому я и не хожу никуда, чтобы никого не обидеть. Зачем мне идти на «Горе от ума», если у меня самого горя от ума хватает?

— Есть ли связь между современным цирком и древним Колизеем, в котором безоружные люди сражались с дикими животными?

— Такой жестокости сейчас нет. Я бы скорее сравнил с Колизеем нашу жизнь. Мы не защищены ни законами, ни милицией.

— Что вдохновляет вас, чей талант восхищает?

— Очень люблю Людвига ван Бетховена. Одно из лучших его произведений — «Musique Militaire». (*Заканчиваем разговор под военную музыку Бетховена.*) Дирижеры — Герберт фон Караян, Сейджи Озава, Роберт Шолти. В балете, безусловно, Морис Бежар. Хорошо знал Рудольфа Нуреева, Хорхе Донна. Люблю, когда я нужен человеку. И с Сашей Годуновым мы дружили, и с Михаилом Лавровским в добрых отношениях. Мы уважаем друг друга за труд. Очень люблю Махмуда Эсамбаева. В таком возрасте так себя держать! Да, у него есть национальная доминанта, он чечен и гордится этим. Его народ малочислен и велик. Я — на четверть кабардинец, мама родилась на Кубани, бабка — казачка. Вот моя детская фотография — обхохочешься. А Шарль Азнавур всегда подчеркивал, что он — армянин. Я восторгаюсь — невысокий человек, а какая громадина!

— В работе вы — тиран?

— Ну что вы! Я люблю не только хорошо поесть, но и как следует поспать. То есть интенсивно. Сплю я недолго, пять часов. В семь утра стараюсь быть на работе. Из режиссеров я появляюсь первым. Артисты мои — еще раньше. Они не злоупотребляют ни алкоголем, ни сексом. Тем, кто опаздывает на репетицию, она не нужна. Я много раз это проверял. Жизнь и так коротка, не хватало еще, чтобы от нее «откусывали» кусочки. Я не тиран, но хочу, чтобы актеры были адекватны моей задаче. Человек, ведущий невоздержанный образ жизни, не может хорошо работать на манеже. Цирк — тяжелый, вплоть до самоотречения, физический труд.

Наталья КОЛЕСОВА